

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА NOVUS LEX

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.166.9.155-164

П. А. Ильичев*,
М. Ю. Савранский**

О проектах введения уголовной ответственности для арбитров

Аннотация. В статье содержится критический анализ законопроекта о введении в Уголовный кодекс Российской Федерации отдельных норм, касающихся уголовной ответственности третейских судей (арбитров). Авторами приводится ряд доводов относительно того, что предпосылки для введения такой ответственности в России в настоящее время отсутствуют, поскольку вопрос не является в достаточной степени теоретически проработанным. Рассматриваются вопросы, связанные с определением юридической ответственности арбитра в различных правовых системах. Обосновывается тезис, согласно которому в существующих условиях более эффективны иные правовые инструменты стимулирования надлежащей деятельности арбитров, ряд из которых успешно применяется. Кроме того, реализация инициативы в современных условиях может быть сопряжена с издержками, превышающими ожидаемый результат.

Обосновывается, что в случае введения ответственности для арбитров одновременно должна быть законодательно закреплена совокупность гарантий деятельности арбитров, в рамках которой авторы предлагают установить гарантии невмешательства в профессиональную деятельность арбитра, а также юридическую ответственность за воспрепятствование деятельности арбитра по разрешению конкретного спора. Предлагается также рассмотреть вопрос об отнесении арбитров к числу лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам, а также предоставить на законодательном уровне третейскому сообществу элементы саморегулирования, связанные с формированием органов третейского сообщества, наделенных определенными значимыми полномочиями, в том числе касающимися вопросов привлечения арбитров к уголовной ответственности.

По результатам научного исследования делается вывод о том, что соответствующие вопросы нуждаются в тщательной и всесторонней проработке, а также в профессиональном обсуждении, предваряющем возможное изменение законодательства.

Ключевые слова: третейское разбирательство; арбитраж; статус арбитра; иммунитет арбитра; уголовная ответственность; коррупция; третейское сообщество; саморегулирование; наука.

Для цитирования: Ильичев П. А., Савранский М. Ю. О проектах введения уголовной ответственности для арбитров // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 9. — С. 155—164. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.166.9.155-164.

© Ильичев П. А., Савранский М. Ю., 2020

* *Ильичев Петр Андреевич*, кандидат юридических наук, адвокат, член квалификационной комиссии Адвокатской палаты Московской области, старший преподаватель кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель комиссии Ассоциации юристов России по третейскому разбирательству Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ilichevpetr@gmail.com

** *Савранский Михаил Юрьевич*, кандидат юридических наук, заместитель председателя Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей, профессор кафедры международного частного права Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации
ул. Ильинка, д. 8, стр. 2, г. Москва, Россия, 103132
1307002@gmail.com

On Proposals for Introducing Criminal Responsibility for Arbitrators

Petr A. Ilichev, Cand. Sci. (Law), Lawyer, Member of the Qualification Commission of the Moscow Region Chamber of Lawyers, Senior Lecturer of the Department of Civil and Administrative Proceedings, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Chairman of the Commission of the Association of Lawyers of Russia on Arbitration
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
ilichevpetr@gmail.com

Mikhail Yu. Savranskiy, Cand. Sci. (Law), Deputy Chairman of the Arbitration Center at the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Professor of the Department of International Private Law, the Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S. S. Alekseev
ul. Ilinka, d. 8, str. 2, Moscow, Russia, 103132
1307002@gmail.com

Abstract. The paper provides a critical analysis of the draft law on the introduction of certain norms in the Criminal Code of the Russian Federation concerning the criminal responsibility of arbitrators. The authors present a number of arguments regarding the fact that the prerequisites for the introduction of such responsibility in Russia are currently absent, since the issue is not sufficiently theoretically developed. Issues related to determining the legal responsibility of an arbitrator in various legal systems are considered. The authors substantiate the thesis that in the existing conditions other legal instruments for stimulating the proper activity of arbitrators are more effective, a number of which are successfully applied. In addition, the implementation of the initiative in modern conditions may involve costs that exceed the expected result.

It is proved that in the case of imposition of responsibility for arbitrators a set of safeguards activities of arbitrators should be simultaneously legislated. Here, the authors propose to establish guarantees of non-interference in professional activities of an arbitrator as well as legal responsibility for obstructing the activities of an arbitrator's resolution of a particular dispute. The authors suggest that arbitrators be referred to those individuals who are subject to special procedure of criminal proceedings. It is necessary to provide at the legislative level elements of self-regulation associated with the formation of the arbitration bodies who possess significant powers, including regarding the involvement of arbitrators to criminal responsibility.

Based on the results of the research, it is concluded that the relevant issues need to be thoroughly and comprehensively worked out and professionally discussed, which may precede possible changes in legislation.

Keywords: arbitration; status of an arbitrator; immunity of an arbitrator; criminal responsibility; corruption; arbitration community; self-regulation; science.

Cite as: Ilichev PA, Savranskiy MYu. O proektakh vvedeniya ugovnoy otvetstvennosti dlya arbitrov [On Proposals for Introducing Criminal Responsibility for Arbitrators]. *Lex russica*. 2020;73(9):155-164. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.166.9.155-164. (In Russ., abstract in Eng.).

В связи с повышением роли арбитража (третейского разбирательства) в современной экономической жизни России, с одной стороны, и сохраняющей популярность темой борьбы с коррупцией, с другой стороны, представители юридического и политического сообщества вынесли на обсуждение вопрос о необходимости введения уголовной ответственности для арбитров за коррупцию.

Так, в настоящее время в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен законопроект¹, в соответствии с которым предлагается дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации статьей 200.7, предусматривающей уголовную ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи), в том числе ответственность как за незаконную передачу арбитру денег и иных ценностей, не-

¹ Законопроект № 931211-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях установления ответственности арбитров (третейских судей) за коррупцию» // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности ГД ФС РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/931211-7> (дата обращения: 03.06.2020).

законное оказание ему услуг, предоставление иных имущественных прав, так и за незаконное получение арбитром (третейским судьей) указанных благ за совершение действий (бездействие) в интересах дающего и иных лиц.

В пояснительной записке к указанному законопроект² отмечается, что дополнительным протоколом к ратифицированной в России Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27.01.1999 (Федеральный закон от 25.07.2006 № 125-ФЗ) Российской Федерации предписано криминализовать подкуп национальных и иностранных третейских судей. По мнению разработчиков законопроекта, «отсутствие уголовной ответственности третейских судей за получение незаконного вознаграждения существенно увеличивает риск коррупционных правонарушений арбитров (третейских судей) в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц вопреки задачам своей деятельности».

Соответствующие предложения ранее также были выдвинуты в проекте федерального закона «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за коррупцию», который был подготовлен Генеральной прокуратурой в целях соблюдения международных обязательств России в области противодействия коррупции и выполнения рекомендаций Группы государств против коррупции (ГРЕКО)³.

Вместе с тем вопрос о том, попадают ли арбитры в круг лиц, которые в соответствующих случаях должны быть привлечены к уголовной ответственности в рамках действующего уголовно-правового регулирования, к примеру за коммерческий подкуп, не находит в правоприменительной практике и юридической литературе однозначного решения.

В частности, А. П. Чирков приходит к выводу о том, что арбитры осуществляют управленческие функции, в связи с чем могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 204 «Коммерческий подкуп» Уголовного кодекса РФ. Автор подчеркивает, что обязательность арбитражного решения для сторон подкрепляется принудительной силой государства в лице компетентного суда, который уполномочен выдавать исполнительный лист⁴.

В то же время в научной литературе имеется противоположная точка зрения. Так, А. А. Грави́на считает, что квалификация подкупа арбитров в качестве преступления, предусмотренного ст. 204 УК РФ, необоснованна, поскольку третейские суды, являясь некоммерческими организациями, функционируют как независимые субъекты права⁵. При этом автор отмечает, что в российской правоприменительной практике случаи возбуждения уголовных дел в отношении арбитров по указанной статье достаточно редкие.

В этой связи и возникла инициатива введения специальных составов преступлений, регламентирующих уголовную ответственность арбитров за коррупцию. Вопрос о целесообразности закрепления в законе специальных норм об уголовной ответственности арбитров поднимался специалистами как в сфере третейского разбирательства, так и смежных отраслей.

Так, М. З. Шварц, судя по всему, опираясь на «дореформенную ситуацию», указывал, что многие злоупотребления в сфере арбитража (третейского разбирательства) свидетельствуют о том, что «никаким доверием нельзя оправдать освобождение арбитров от ответственности». В связи с этим автор указывает на необходимость отказа от абсолютного иммунитета арбитров и введения специальных составов преступлений в УК РФ⁶.

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях установления ответственности арбитров (третейских судей) за коррупцию // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности ГД ФС РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/931211-7> (дата обращения: 03.06.2020).

³ Асташкевич А. И. Об уголовной ответственности арбитров // Адвокатская газета от 17.10.2016. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ob-ugolovnoy-otvetstvennosti-arbitrov/> (дата обращения: 03.06.2020).

⁴ Чирков А. П. Проблемы определения субъекта преступления коррупционной направленности // Уголовное право. 2013. № 5. С 112—113.

⁵ Грави́на А. А. Транснациональная коррупция как состав международного преступления // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 87—100.

⁶ Шварц М. З. К вопросу о правовом режиме ответственности арбитра (первые размышления) // Третейский суд. 2017. № 2. С. 139.

Вместе с тем В. В. Хвале́й, имеющий значительный практический опыт в сфере международного арбитража, отмечал, что распространение отдельных составов уголовного законодательства на арбитров является совершенно необоснованным. При этом автор указывает на серьезные риски злоупотреблений в данной области с целью оказания недобросовестными сторонами давления на третейский суд. Кроме того, по мнению автора, введение указанных мер открывает возможность для проверки вынесенных решений по существу, что противоречит природе третейского разбирательства⁷.

Г. В. Севастьянов, комментируя предложения об ответственности арбитров, акцентировал внимание на том, что установление ответственности всегда подкупает своей простотой в борьбе со злоупотреблениями⁸.

С нашей точки зрения, в настоящее время установление уголовной ответственности арбитров за коррупцию является преждевременным: реальные предпосылки для введения такой ответственности в России еще не сформированы, что обусловлено целым рядом обстоятельств, которые излагаются ниже.

С одной стороны, предлагая законодателю столь серьезные новеллы с опорой на международное соглашение, инициаторам следовало бы прежде всего исследовать вопрос об опыте имплементации положений Конвенции Совета Европы от 27.01.1999 в отношении арбитров в национальное законодательство стран Европейского Союза (в первую очередь стран, иницировавших принятие указанной Конвенции, которые, по идее, должны были первыми ее реализовать) и соответствующую правоприменительную, особенно судебную, практику, а так-

же возникающие при этом проблемы и пути их решения. Наряду с этим, для оценки масштаба «проблемы» было бы полезно собрать и изучить (в том числе путем использования репрезентативных социологических методик) отечественные статистические данные по этому вопросу.

С другой стороны, одновременно с обсуждением вопроса установления уголовной ответственности для арбитров должен быть предложен детально проработанный механизм гарантий их профессиональной деятельности, который в настоящее время в законодательстве Российской Федерации практически отсутствует.

В юридической литературе верно отмечается, что привлечение лиц, занимающих особое положение в государственной системе, к уголовной и иной юридической ответственности обусловлено необходимостью обеспечения их независимости при осуществлении должностных обязанностей⁹.

Однако справедливо и суждение о том, что ответственности без полномочий не бывает. Поэтому при введении уголовной ответственности арбитра необходимо приравнять его статус к статусу государственного судьи с учетом особенностей арбитража, то есть в отношении конкретного спора и на определенный период¹⁰. Так, в доктрине имеется обоснование того, что требования, предъявляемые к арбитрам, сходны с требованиями, предъявляемыми к судьям государственных судов¹¹.

Конституционный Суд РФ указал, что «исходя из интересов правосудия, общество и государство, предъявляя к судье и его профессиональной деятельности особые требования, обязаны обеспечить ему дополнительные гарантии надлежащего исполнения своих служебных обязанностей»¹².

⁷ Хвале́й В. В. Инструмент давления на арбитров // Адвокатская газета. 14.10.2016. URL: <http://www.advgazeta.ru/blog/posts/357> (дата обращения: 03.06.2020).

⁸ Севастьянов Г. В. Третейская реформа в России: хронология основных событий и специфика содержания // Третейский суд. 2015. № 5. С. 25.

⁹ Борзов М. В. Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации // Юстиция. 2017 (автор раздела — Н. В. Азаренок).

¹⁰ Грешников И. П. Обход права и отсутствие здравого смысла как основные начала законодательства в области третейского разбирательства в России // Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права : сборник статей. М., 2015.

¹¹ Гераков Р. В. Некоторые аспекты правового статуса арбитра в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 8. С. 47—52.

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.1996 по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. № 52. 19.03.1996.

По мнению ряда авторов, данное правило представляется обоснованным распространить и на арбитра, который хотя и не является должностным лицом, однако выполняет публично-правовую функцию, выражающуюся в осуществлении юрисдикционной деятельности, направленной на судебную защиту гражданских прав участников гражданского оборота. Как отмечает О. А. Малов, арбитр в ходе своей деятельности одновременно исполняет как частноправовую (договорную), так и публично-правовую (юрисдикционную) функцию¹³.

В странах с англосаксонской правовой традицией статус арбитра приравнен к статусу государственного судьи¹⁴. В некоторых странах романо-германской правовой семьи, в которых третейское разбирательство весьма востребованно и успешно функционирует во взаимодействии с государственным правосудием, арбитры обладают абсолютным иммунитетом за любые действия, совершенные во время исполнения своих обязанностей. В рамках данной концепции арбитр, как и судья государственного суда, может осуществлять свою деятельность без опасения за свои действия. На это обращает внимание М. Расмуссен при анализе особенностей ответственности арбитров в США, Великобритании и Франции, отмечая при этом, что иммунитет арбитров как создателей решений важен для нивелирования возможности ненадлежащего воздействия от недовольных сторон и защиты единства решений¹⁵.

В большинстве государств закреплен ограниченный иммунитет арбитров, когда они несут ответственность за свои действия или бездействие в строго определенных случаях¹⁶. Данный

подход находит свое отражение и в российском законодательстве. Как отмечается в литературе, осуществляемая на инициативной основе юрисдикционная деятельность третейского суда имеет тем не менее родственное содержание с правосудием, в связи с чем осуществляется в режиме ограниченной ответственности, унифицированном для арбитров и судей государственных судов (ст. 1070 ГК РФ и ст. 51 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»). Это обусловлено соотношением в третейском разбирательстве частных и публичных начал¹⁷. Идея о наделении арбитров полной юридической ответственностью в законодательстве отдельных государств и правоприменительной практике, как правило, не находит своего применения.

Принимая во внимание лишь часть обозначенных выше аспектов юридической ответственности арбитра, важно также констатировать, что установление новых составов преступлений в уголовном законе во многих случаях не является оптимальным путем разрешения тех или иных проблем. Не каждое деяние требует уголовно-правовой репрессии либо угрозы ее применения.

В современных условиях в России согласно официальным статистическим данным количество выявленных надзорными органами случаев необоснованного возбуждения уголовных дел, в том числе так называемых заказных дел, весьма значительно, и при этом уровень коррупции в правоохранительной системе, по официальным данным, хотя и снижается, но все еще, к сожалению, весьма высок¹⁸. При этом

¹³ Малов О. А. Институт гражданско-правовой ответственности арбитра (третейского судьи) в российском и зарубежном правовом порядке // Третейский суд. 2017. № 1. С. 84.

¹⁴ Pilar M., Viscasillas P. El seguro de responsabilidad civil en el arbitraje. Fundacion MAPFRE, 2013. P. 41 ; Pornbacher K., Knief I. Liability of arbitrators — judicial immunity versus contractual liability. CYArb. 2012. No 2. P. 222 ; Truli E. Liability vs. quasi-judicial immunity of the arbitrator: the case against absolute arbitral immunity // The American Review of International Arbitration. 2006. Vol. 17. No 3. P. 395.

¹⁵ Rasmussen M. Overextending Immunity: Arbitral Institutional Liability in the United States, England and France // URL: <http://ir.lawnet.fordham.edu> (дата обращения: 03.06.2020).

¹⁶ Mullerat R. The Liability of Arbitrators: a Survey of Current Practice / International Bar Association ; Commission on Arbitration. Chicago, 21 September 2006 ; Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации (постатейный, научно-практический) / под ред. О. Ю. Скворцова, М. Ю. Савранского. М., 2016 (автор комментария к ст. 51 — П. Р. Мифтахов).

¹⁷ Джагарян А. А., Бенедская О. А. Не меньше чем суд: конституционная природа третейского разбирательства в российской правовой системе // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 5. С. 106—125.

¹⁸ См.: В России проанализирована практика расследования коррупционных преступлений // Официальный интернет-сайт СК РФ. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1417917/?pdf=1>. 09.12.2019 ; Следы нечи-

нет никаких официальных данных о том, что имеют распространение (и особенно в «пост-реформенный» период) случаи получения арбитрами незаконного вознаграждения, тогда как риски необоснованного возбуждения уголовных дел в отношении арбитров при изложенных выше обстоятельствах, напротив, есть и являются весьма значительными.

Что касается введения в уголовный закон самостоятельных составов преступлений, то это должно быть обусловлено достаточной распространенностью соответствующих общественно опасных деяний. Иначе норма превращается в неработающую статью УК РФ, что само по себе, возможно, и не является большой проблемой, но опасность представляют ситуации, когда отдельными должностными лицами, исходя из ложно понятых интересов службы, могут быть установлены планы по применению данной статьи¹⁹.

В этих условиях более эффективными являются иные правовые инструменты стимулирования надлежащей деятельности арбитров, ряд из которых имеется и успешно применяется. В России подавляющее большинство третейских дел рассматривается в ограниченном числе постоянно действующих арбитражных учреждений, порядок создания и контроль за деятельностью которых осуществляется на федеральном уровне. Данные арбитражные учреждения обладают высоким авторитетом, и сама система организации третейского разбирательства минимизирует риски ненадлежащего исполнения арбитрами своих функций. По многим делам спор, как правило, рассматривается тремя арбитрами, два из которых избираются самими сторонами третейского разбирательства, и стороны им доверяют, в связи с чем соответствующие риски также сведены к минимуму.

Проведенная в Российской Федерации реформа законодательства об арбитраже имела своей целью способствовать развитию системы третейского разбирательства на качественно новом уровне и сделать привлекательной российскую юрисдикцию, на что обращал внимание Президент Российской Федерации в Послании Федеральному собранию РФ в

декабре 2013 г. К сожалению, при реформировании законодательства об арбитраже не была разработана и принята система гарантий профессиональной деятельности для арбитра: единственная законодательная гарантия арбитра в настоящее время — это свидетельский иммунитет, в соответствии с которым арбитр не может быть допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в ходе третейского разбирательства (п. 7 ч. 2 ст. 56 УПК РФ; пп. 4 п. 3 ст. 69 ГПК РФ; п. 5.2 ст. 56 АПК РФ). Других гарантий для арбитра российское законодательство не предусматривает. В то же время в ряде государств с развитым и востребованным бизнесом арбитражем, как отмечалось выше, арбитр защищен системой гарантий, которая аналогична или сходна с системой гарантий для судей государственных судов.

На наш взгляд, введение уголовной ответственности арбитров без предварительной проработки и установления на законодательном уровне комплекса надлежащих гарантий при арбитражном разбирательстве приведет к ряду негативных последствий для развития российского арбитража. В условиях, когда арбитр при осуществлении своей деятельности не защищен государством от противоправных посягательств тех или иных лиц, добавление реальных рисков необоснованного привлечения к уголовной ответственности затруднит обеспечение соблюдения закрепленных в ст. 18 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» принципов независимости и беспристрастности арбитров. В таких условиях многие авторитетные арбитры, имеющие признание и достижения в области права, включая иностранных экспертов, будут отказываться осуществлять функции арбитров в рамках арбитража (третейского разбирательства), проводимого в России.

В условиях турбулентности экономики, а также продлеваемых односторонних санкций со стороны США и стран Евросоюза против России, ряда российских компаний и лиц спешная реализации недостаточно проработанной инициативы об уголовной ответственности арбитров может весьма негативно повлиять на кон-

стных рук : интервью с А. И. Бастрыкиным // Российская газета. 08.12.2019. URL: <https://rg.ru/2019/12/08/bastrykin-sk-napravil-v-sud-svyshe-80-tysiach-ugolovnyh-del-o-korrupcii.html> (дата обращения: 03.06.2020).

¹⁹ Об этом см.: Бердышева Е. С. «Палка о двух концах»: система оценивания эффективности деятельности правоохранительных органов АППГ+1 в восприятии сотрудников // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 1. С. 127—142.

курентоспособность российской юрисдикции, поскольку многие участники трансграничного оборота в таких условиях будут чаще обращаться в арбитражные институты, находящиеся в других государствах.

Таким образом, не вызывает сомнений, что без закрепленной в нормах закона надежной системы государственных гарантий преждевременно рассматривать вопрос о введении уголовной ответственности арбитров. При этом, обратившись к вопросу об установлении гарантий профессиональной деятельности арбитров, следует принять во внимание следующие аспекты.

Во-первых, в действующем законодательстве Российской Федерации отсутствуют гарантии невмешательства в деятельность арбитра (даже на декларативном уровне). Такие гарантии имеются у судьи государственного суда: законом предусмотрено, что всякое вмешательство в деятельность судьи по осуществлению правосудия преследуется по закону. Не допускается внепроцессуальное обращение к судье по делу, находящемуся в его производстве, либо к председателю суда, его заместителю, председателю судебного состава или председателю судебной коллегии по делам, находящимся в производстве суда²⁰. Данное правило представляется возможным распространить после необходимой адаптации и на третейские суды. Объяснимо скептическое отношение к этому вопросу некоторых специалистов, иногда повторяющих догмы о том, что правосудие — это деятельность специального органа государственной власти, о должности судьи и его особом статусе и т.п. Эти тезисы никто не оспаривает, хотя и здесь догматика не всегда полезна, особенно в бурно меняющемся мире.

Правовая наука, законодательство не могут не развиваться, в связи с чем могут появляться комбинированные формы осуществления юрисдикционной деятельности, сочетающие в себе элементы государственного правосудия и альтернативных способов разрешения споров и предполагающие больший экспертный характер правосудия и более активное участие в нем граждан, в том числе экспертного сообщества.

Не вызывает сомнений, что арбитр — это не должность, статус арбитра приобретается с

принятием функций по делу и утрачивается по завершении арбитражного разбирательства, тем не менее наделение арбитра временным иммунитетом также не является проблемой. К примеру, в силу ст. 12 Федерального закона от 20.08.2004 № 113-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» на присяжного заседателя на период осуществления им правосудия распространяются гарантии независимости и неприкосновенности судей. Законодательные гарантии, запрещающие вмешательство в адвокатскую деятельность либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом, действуют и для адвокатов²¹. Установление и надлежащая нормативная реализация принципа невмешательства в деятельность арбитра положительным образом повлияли бы на развитие арбитража в России.

Во-вторых, одновременно с установлением гарантий невмешательства в профессиональную деятельность арбитра целесообразно было бы разрешить вопрос об установлении мер юридической ответственности для лиц, которые воспрепятствуют деятельности арбитра. В этой связи следует констатировать, что вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия является преступлением в силу п. 1 ст. 294 Уголовного кодекса РФ. С нашей точки зрения, если законодателем обсуждается вопрос о введении уголовной ответственности арбитра за коррупционные преступления, целесообразно было бы заблаговременно проработать вопрос о введении публично-правовой (уголовной и (или) административной) ответственности за вмешательство в деятельность арбитра с целью воспрепятствования осуществлению третейского разбирательства.

Следует вспомнить, что Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) в ходе третейской реформы предлагал введение ответственности за фальсификацию доказательств, ложные свидетельские показания в арбитраже, ведь на основе подобных доказательств может быть вынесено необоснованное решение, которое «предъявят» прежде всего

²⁰ Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». Ст. 10 // Российская газета. № 170. 29.07.1992.

²¹ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Ст. 18 // Российская газета. № 100. 05.06.2002.

арбитрам. Подобные нормы имеются и успешно применяются в Швейцарии, которая считается одной из наиболее дружелюбных к арбитражу юрисдикций.

В-третьих, следует обратить внимание на то, что в случае введения в уголовное законодательство составов, связанных с установлением уголовной ответственности арбитров в связи с выполнением ими своих функций, важнейшей уголовно-процессуальной гарантией деятельности арбитра является причисление его к лицам, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам. Категории указанных лиц предусмотрены ст. 447 Уголовно-процессуального кодекса РФ, и арбитра в настоящее время к ним не относится. Введение особого порядка необходимо в целях минимизации возможности инициировать необоснованное уголовное преследование арбитров лицами, желающими угрозой такового оказать неправомерное влияние на принятие арбитрами тех или иных решений. Особенности указанного порядка следует детально проработать, обеспечив законодательное закрепление баланса соответствующих правоохраняемых интересов.

В-четвертых, было бы обоснованно (и подобное в том или ином виде предлагалось специалистами ранее²²) рассмотреть вопрос о предоставлении арбитрам на законодательном уровне элементов саморегулирования: формирование органов третейского сообщества, которые могли бы осуществлять некоторые полномочия в сфере общих принципов организации третейского разбирательства. В научной

литературе высказывались идеи о создании саморегулируемой негосударственной организации, основанной на обязательном членстве всех арбитров²³. Важно отметить, что элементы саморегулирования имеются у судей — это деятельность органов судейского сообщества, у адвокатов — деятельность адвокатских палат, у нотариусов — деятельность нотариальных палат и у некоторых иных категорий лиц. По нашему мнению, наделение арбитров правом участвовать в формировании государственной политики в сфере арбитража в объеме, определяемом законом, способствовало бы обеспечению их дополнительными гарантиями для надежной и эффективной деятельности.

Полагаем, что обозначенные меры будут способствовать развитию и более широкому применению арбитража при разрешении как внутренних, так и международных споров, сделают более привлекательной для этих целей российскую юрисдикцию.

Как видим, спектр мнений в отношении реформирования правового механизма ответственности арбитров является весьма значительным. Такое реформирование *volens-nolens* не может не затрагивать ряд отраслей права и законодательства и может быть только комплексным, обеспечивающим сохранение баланса тех или иных правоохраняемых интересов. Исходя из этого, соответствующие вопросы нуждаются в тщательной и всесторонней проработке, а также в профессиональном обсуждении, предваряющем возможное изменение законодательства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Асташевич А., Об уголовной ответственности арбитров // Адвокатская газета. — 17.10.2016. — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ob-ugolovnoy-otvetstvennosti-arbitrov/> (дата обращения: 03.06.2020).
2. Бердышева Е. С. «Палка о двух концах»: система оценивания эффективности деятельности правоохранительных органов АППГ+1 в восприятии сотрудников // Человек. Сообщество. Управление. — 2013. — № 1.
3. Борзов М. В. Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации. — М.: Юстиция, 2017.
4. Гераков Р. В. Некоторые аспекты правового статуса арбитра в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. — 2019. — № 8.
5. Гравина А. А. Транснациональная коррупция как состав международного преступления // Журнал российского права. — 2015. — № 12.

²² См.: Севастьянов Г. В., Цыпленкова А. В. Тенденции развития институциональных начал альтернативного разрешения споров // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2007. № 4. С. 74.

²³ Гераков Р. В. Указ. соч. С. 50.

6. Грешников И. П. Обход права и отсутствие здравого смысла как основные начала законодательства в области третейского разбирательства в России // Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права : сборник статей. — М., 2015.
7. Джагарян А. А., Бенедская О. А. Не меньше, чем суд: конституционная природа третейского разбирательства в российской правовой системе // Сравнительное конституционное обозрение. — 2018. — № 5.
8. Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / под ред. О. Ю. Скворцова, М. Ю. Савранского. — М., 2016.
9. Малов О. А. Институт гражданско-правовой ответственности арбитра (третейского судьи) в российском и зарубежном правопорядках // Третейский суд. — 2017. — № 1.
10. Севастьянов Г. В. Третейская реформа в России: хронология основных событий и специфика содержания // Третейский суд. — 2015. — № 5.
11. Севастьянов Г. В., Цыпленкова А. В. Тенденции развития институциональных начал альтернативного разрешения споров // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2007. — № 4.
12. Чирков А. П. Проблемы определения субъекта преступления коррупционной направленности // Уголовное право. — 2013. — № 5.
13. Хвалей В. В. Инструмент давления на арбитров // URL: <http://www.advgazeta.ru/blog/posts/357> (дата обращения: 03.06.2020).
14. Шварц М. З. К вопросу о правовом режиме ответственности арбитра (первые размышления) // Третейский суд. — 2017. — № 2.

Материал поступил в редакцию 13 июля 2020 г.

REFERENCES

1. Astashevich A. Ob ugovnoy otvetstvennosti arbitrov [On criminal liability of arbitrators]. Advokatskaya gazeta. 2016 October 17. Available from: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ob-ugolovnoy-otvetstvennosti-arbitrov/> [cited: 2000 June 03]. (In Russ.)
2. Berdysheva ES. «Palka o dvukh kontsakh»: sistema otsenivaniya effektivnosti deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov PPG+1 v vospriyatii sotrudnikov ["A double-edged sword": The system for evaluating the effectiveness of law enforcement agencies APPG+1 in the perception of employees]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2013;1. (In Russ.)
3. Borzov MV. Aktualnye problemy deyatel'nosti sudov obshchey yurisdiktsii Rossiyskoy Federatsii [Topical issues of General jurisdiction courts of the Russian Federation activities]. Moscow: Justice; 2017. (In Russ.)
4. Gerakov RV. Nekotorye aspekty pravovogo statusa arbitra v Rossiyskoy Federatsii [Some aspects of the legal status of an arbitrator in the Russian Federation]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess* [Arbitrazh and Civil Procedure]. 2019;8. (In Russ.)
5. Gravina AA. Transnatsionalnaya korruptsiya kak sostav mezhdunarodnogo prestupleniya [Transnational corruption as part of an international crime]. *Zhurnal Rossiyskogo Prava* [Journal of Russian Law]. 2015;12. (In Russ.)
6. Greshnikov IP. Obkhod prava i otsutstvie zdravogo smysla kak osnovnye nachala zakonodatelstva v oblasti treteyskogo razbiratelstva v Rossii [Circumvention of law and lack of common sense as the main principles of legislation in the field of arbitration in Russia]. *Mezhdunarodnyy kommercheskiy arbitrazh i voprosy chastnogo prava: sbornik statey*. Moscow; 2015. (In Russ.)
7. Dzhagaryan AA, Benedskaya OA. Ne menshe, chem sud: konstitutsionnaya priroda treteyskogo razbiratelstva v rossiyskoy pravovoy sisteme [No less than a court: the constitutional nature of arbitration in the Russian legal system]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2018;5. (In Russ.)
8. Kommentariy k Federalnomu zakonu «Ob arbitrazhe (treteyskom razbiratelstve) v Rossiyskoy Federatsii» (postateynnyy, nauchno-prakticheskiy) [Commentary to the Federal law "On arbitration (arbitration proceedings) in the Russian Federation" (article-by-article, scientific and practical)]. Skvortsov OYu, Savranskiy MYu, editors. Moscow; 2016. (In Russ.)

9. Malov OA. Institut grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti arbitra (treteyskogo sudi) v rossiyskom i zarubezhnom pravoporyadkakh [Institute of civil liability of an arbitrator (arbitrator) in the Russian and foreign legal order]. *Treteyskiy sud*. 2017;1. (In Russ.)
10. Sevastyanov GV. Treteyskaya reforma v Rossii: khronologiya osnovnykh sobytiy i spetsifika sodержaniya [Arbitration reform in Russia: chronology of main events and content specifics]. *Treteyskiy sud*. 2015;5. (In Russ.)
11. Sevastyanov GV, Tsyplenkova AV. Tendentsii razvitiya institutsionalnykh nachal alternativnogo razresheniya sporov [Trends in the development of institutional principles of alternative dispute resolution]. *Vestnik Vysshego rbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 2007;4. (In Russ.)
12. Chirkov AP. Problemy opredeleniya subekta prestupleniya korrupsionnoy napravlenosti [Problems of determining the subject of a corruption-related crime]. *Ugolovnoe pravo [Criminal law]*. 2013;5. (In Russ.)
13. Khvaley VV. Instrument davleniya na arbitrov [A tool of pressure on the referees]. Available from: <http://www.advgazeta.ru/blog/posts/357> [cited: 2000 June 03]. (In Russ.)
14. Shvarts MZ. K voprosu o pravovom rezhime otvetstvennosti arbitra (pervye razmyshleniya) [On the question of the legal regime of the arbitrator's responsibility (first thoughts)]. *Treteyskiy sud*. 2017;2. (In Russ.)